

VII.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, урожденная графиня Воронцова.

Без сомнения, большей части читателей памятен весьма распространенный эстамп, изображавший одну замечательную женщину прошлого века в том виде, в каком сохранило ее для нас время в тогдашнем современном портрете: доброе женское лицо, уже даже далеко не молодое и не красивое; лицо это невольно останавливает на себе внимание тем, что на плечах этой пожилой женщины — мужской мундир или кафтан прошлого века; грудь украшена звездой; на голове женщины — старушечий чепчик, нечто вроде колпака.

Это, как всем известно, — княгиня Дашкова.

Есть и еще портрет русской женщины тоже в мужском, только военном мундире, но значительно менее распространенный и менее известный: военный мундир этой последней женщины, тоже уже старушки, украшен георгиевским крестом.

Это — Дурова, «девица-кавалерист».

Скажем же прежде о Дашковой, как исторической женской личности; а о Дуровой будет сказано в своем месте.

«В XVIII столетии, благодаря петровскому перевороту, русская женщина приобрела человеческие права. Четыре женщины носили в этом столетии императорскую корону и несколько замечательных не коронованных женских личностей оставили следы своего существования на поприще более видном и обширном, чем замкнутые терема. Если подобный личности и появлялись до переворота, то они составляли редчайшие исключения, и если после переворота их можно еще считать исключениями, то уже далеко не столь редкими. В 1762 году одним из главных деятелей возведения на престол русский Великой Екатерины II является девятнадцатилетняя женщина,— княгиня Дашкова; она обращает на себя внимание всей образованной Европы, которая в лице современных писателей вносит её имя в историю, и, раз обратив на себя её внимание, она не исчезает, как метеор, но до последней минуты своей жизни остается личностью замечательнейшею. С большим успехом и честью исполняет, в продолжение одиннадцати лет, должность директора академии наук, — дело, до тех пор неслыханное, — становится основательницей и президентом Российской Академии и до последней минуты своей жизни остается женщиной настолько же, насколько и замечательнейшей личностью.»

Таковыми словами начинает характеристику княгини Дашковой один из современных русских писателей в биографии этой женщины, и нельзя не согласиться с ним, что на подобные личности между женщинами, какую является княгиня Дашкова, не богата история всего человечества. Тем более должны дорожить такими, историческими женскими именами мы, русские, юнейшие из всех цивилизованных народов Европы, что эта последняя, вообще мало ценя наши заслуги в истории общечеловеческого развития, не отказывает в этих заслугах некоторым

русским историческим женским личностям, относительный процент которых у нас едва ли ниже процента таких же исторических личностей в остальной Европе.

Екатерина Романовна родилась около половины восемнадцатого столетия, в 1744 году, и потому не принадлежит уже к русским женщинам ни петровской, ни бироновской эпохи. Она происходила из знатного рода графов Воронцовых, приходилась сродни графам Паниным и вообще принадлежала к высшим родам русского царства. Уже при самом рождении она отличена была перед другими знатными девушками тем, что восприемницей её от купели была сама императрица Елизавета Петровна, а крестным отцом — тогдашний наследник престола, впоследствии император Петр III.

Она лишилась матери, когда ей было всего два года. Отец её, еще молодой человек, не мог заняться воспитанием своих детей, потому что весь отдан был светским удовольствиям, а потому маленькая Екатерина до четырех лет жила у своей бабушки, по обычаю почти всех бабушек не чаявшей души в своей внучке-сиротке; с четырех же лет маленькую графиню взяли в дом к дяде её, вице-канцлеру Михаилу Иларионовичу Воронцову, женатому на двоюродной сестре государыни и пользовавшемуся, особенно после падения Бестужева-Рюмина, большим влиянием при дворе. В доме у Воронцова часто бывала сама императрица, обедала и проводила целые вечера. Маленькая крестница императрицы нередко играла на коленях у своей высокой крестной матери, сживала с ней рядом за столом и вообще пользовалась её ласками. Воронцов в своей привязанности к племяннице не отличал ее от своей родной дочери Анны, с которою маленькая Екатерина провела все детство и первую молодость, живя в одной комнате. Их и воспитывали вместе, и

одевали в одинаковые платья, одни и те же учителя учили обеих девушек.

И несмотря, однако, на эту внешнюю тождественность воспитания, из одной девушки вышла крупная историческая личность, занявшая почетное и даже редко выпадавшее на долю женщины место женщины-деятели в истории, другая же ничем не заявила своих прав на историческое бессмертие.

«Мой дядя - говорит о себе впоследствии Дашкова в оставленных ею записках - ничего не жалел, чтоб дать своей дочери и мне лучших учителей, и, по понятиям того времени, мы получили наилучшее воспитание. - «Нас учили четверем разным языкам и мы говорили бегло по-французски; один статский советник выучил нас итальянскому языку, а г. Бектеев давал уроки русского, когда мы удостоивали их брать. Мы сделали большие успехи в танцевании и немного знали рисовать. Кто мог вообразить, что такое воспитание было не совершенно?»

Время воспитания и обучения длилось до четырнадцатилетнего возраста маленькой графини. Но богатая натура её не удовлетворялась тем, что она получила; в душе был большой запрос на многое, чего она еще не знала, не видела, не испытывала. Рано проявилось в ней неясное сознание своей силы и чувство богатых внутренних задатков, и это обнаруживалось в ней с одной стороны какою-то гордостью, признанием за собой чего-то большего, чем то, что в ней думали видеть, а с другой страстным желанием раздела чувств, впечатлений, знаний — желанием дружбы и любви. Но отзыва на все это она не могла найти ни в ком: с совоспитанницей своей она не сошлась душою, а других родных никого близко не имела, и только глубокую дружбу воспитала она в себе к своему брату Александру, к которому питала это чувство

всю жизнь, как и вообще все её привязанности отличались полно-
тою и какою-то законченностью: она всякому чувству отдавалась вся.
Сначала она чувствовала себя вполне одинокою, именно в
период брожения молодых сил.

Но в это время случившаяся с ней болезнь едва ли не была
тем роковым стимулом, который нередко определяет на всю
жизнь дальнейшее развитие и самое призвание человека. Она заболела
корью, и так как семья, в которой она жила, имела постоянная
сношения с двором, то из опасения, чтобы корь не занесена была
во дворец и не заразила великого князя Павла Петровича, моло-
дую девушку удалили за 60 верст от столицы, в деревню, при-
ставим, к больной какую-то компаньонку-немку.

Здесь-то, когда болезнь её несколько облегчилась, в одино-
честве она набросилась на книги, и когда воротилась уже в дом,
то страсть к чтению оставалась в ней преобладающей страстью.
Она читала все, что находила в богатом доме вице-канцлера;
Вольтера, Буало, Монтескье и др. она читала, как это обыкно-
венно бывает в период брожения молодых сил, запоем, лихо-
радно. Она не останавливалась на легком чтении: философский
век захватил и ее своим крылом. Все свои деньги она тратила
на книги, и притом на такие, как знаменитая «Энциклопедия»
XVIII века и «Лексикон» Морери. О всем прочитанном, о своих
впечатлениях она ни с кем не могла говорить, и это еще больше
волновало ее, потому что с братом, уехавшим в Париж, она
могла только переписываться. Жажда знаний доходила до страстно-
сти, до болезненности. Живя в доме вице-канцлера, она еще ре-
бенком заглядывала в лежавшие у него в кабинете важные госу-
дарственные бумаги, и невольно интересовалась тем, что там пи-
сано, а когда подросла, то решительно не давала покоя всем посе-
щавшим вице-канцлера заезжим ученым, посланникам, худож-

никам, выпрашивая у них обо всем, что занимало её пытливый ум. Заметив эту даровитость молоденькой девушки, «русский мецената» Иван Иванович Шувалов любезно доставал ей все, что только выходило в Европе замечательного по части литературы.

Эта болезненная страстность не могла не броситься в глаза и не обеспокоить старших за её здоровье, а императрица показала настолько заботливости об участи своей крестницы, что прислала к ней своего врача, доктора Бургаве, который нашел, что молодая девушка страдает душевным расстройством. Тогда со всех сторон посыпались вопросы о причине этого расстройства; все приняли в ней живое участие, потому что видели в молодой особе естественную бледность и утомление, — и на обращенные к ней по этому случаю вопросы девушка, не желая выдавать своей чувствительности и томившей ее внутренней гордости, отвечала, что все это — просто расстройство, головная боль и т. д.

Для молодой девушки наступало время замужества.

Хотя она и пользовалась полною свободою в доме своего дяди и могла располагать не только своим временем, по и выбором знакомых и удовольствий, однако ее не влекло к светским удовольствиям и к тому, что соединено с понятием светских «выездов»; у неё был небольшой кружок знакомых, к которым она ездила запросто. К числу таких знакомых принадлежала г-жа Самарина.

Знакомство с Самариной косвенным образом было причиною того, что в жизни молодой девушки совершился тот роковой факта, от которого зависит весь дальнейший ход жизни: Екатерина Романовна должна была проститься с девическою свободой.

Однажды Екатерина Романовна возвращалась от Самариной поздно вечером. Ночь была летняя и сестра Самариной звалась проводить молодую графиню до дому пешком, приказав

карете ехать вперед». Когда они шли, то из другой улицы навстречу им вышел какой-то мужчина в военном платье, который, в сумерках, показался молодой девушке каким-то гигантом!.. Оказалось, что это был князь Дашков, преображенский офицер, которого Екатерина Романовна никогда не видала, но который был хорошо знаком с Самариными. Дашков заговорил с дамами и произвел на молодую девушку такое впечатление, что уличное знакомство превратилось в приязнь, а потом и в глубокую привязанность с обеих сторон.

Но в это время молодая девушка нашла и новую привязанность, которая имела в её жизни едва ли не более роковое значение, чем замужество. Это — страстная привязанность её к супруге наследника престола, Петра Федоровича, к Екатерине Алексеевне, будущей императрице Екатерине II.

Однажды зимой, у дяди её проводили вечер и ужинали наследник престола и его молодая супруга. Екатерина Алексеевна давно слышала о молодой племяннице вице-канцлера, как о замечательной девушке; она знала её привязанность к серьезным занятиям, о её развитости, о её далеко не дюжинном уме, выходявшем из ряда всего, что только было известно любознательной цесаревне. Цесаревна могла теперь лично убедиться, что такое была эта девушка, и отметила ее, как свою избранницу, потому что будущая императрица обладала именно этим редким свойством — выбора людей.

«В продолжение всего этого памятного вечера - пишет в своих записках Дашкова - великая княгиня обращалась только ко мне; её разговор меня восхитил: возвышенные чувства и обширные познания, который она выказала, заставляли меня смотреть на нее как на существо избранное, стоящее выше, всех остальных, существо возвышенное до такой степени, что она превосходила все,

мои самые пламенные идеи о совершенстве. Вечер прошел быстро; но впечатление, которое она произвела на меня, осталось неизгладимым!..»

Когда великая княгиня прощалась с хозяевами, то нечаянно уронила веер. Молодая графиня поспешила поднять его и подала Екатерине; но эта последняя, не принимая веера, поцеловала девушку и просила сохранить веер как память о первом вечере, проведенном ими вместе.

— Я надеюсь, — заключила она, — что этот вечер положит начало дружбы, которая кончится только с жизнью друзей.

Действительно, великая княгиня окончательно победила сердце восторженной девушки. Вечер положили, начало не только дружбе, но и страстной привязанности молодой Воронцовой и Екатерине: Воронцова впоследствии доказала, что за этот вечер, за этот веер и за привет она готова была идти на плаху во имя той, которой всецело отдала свою волю. Веер остался самым дорогим её воспоминанием на всю жизнь, и она было завещала положить его с собою в гроб, но только впоследствии, когда Екатерина оттолкнула от себя молодую энтузиастку своим царственным, несколько холодным величием, а Дашкова нашла полную дружескую привязанность в другой женщине, решение это осталось неисполненным.

Это было как раз перед её замужеством: в феврале 1759 года Екатерина Романовна вышла замуж за того, который ей показался когда-то гигантом, за князя Дашкова.

Будем и мы теперь называть ее княгиней Дашковой.

Обходя подробности о разных семейных обстоятельствах жизни княгини Дашковой, мы будем останавливаться преимущественно на тех сторонах её жизни, в которых проявлялась её или политическая или общественная деятельность.

Вскоре после свадьбы молодые Дашковы представлялись Петру Федоровичу, который в то время жил в ораниенбаумском дворце.

— Хотя я знаю, что вы решились не жить у меня во дворце, - обратился великий князь к Дашковой, - - но надеюсь вас видеть каждый день, и желал бы, чтобы вы проводили более времени со мной, чем в обществе великой княгини.

Но молодая Дашкова уже вся принадлежала именно этой великой княгине.

— Дитя мое, - говорил ей в другой раз великий князь, - не забывайте, что несравненно лучше иметь дело с честными и простыми людьми, как я и мои друзья, чем с великими умами, которые высосут сок из апельсина и бросят потом ненужную для них корку.

Но Дашкова не думала этого и не боялась. Великая княгиня была её кумиром, и этому божеству она поклонялась, тем более, что и общество, окружавшее Екатерину, имело более серьезные задатки и более влекло к себе Дашкову, чем общество поклонника голштинского обмундирования и прусских порядков.

И теперь под старинным, современным рассматриваемой нами эпохе гравированным портретом Екатерины II мы читаем следующую подпись:

Природа в свет тебя стараясь произвести,
Дары свои на тя едину истощила,
Чтобы на верх тебя величия возвесть,
И, награждая всем, она нас наградила.

Это так писала Дашкова к своему высочайшему кумиру; и Екатерина с своей стороны умела поддерживать в Дашковой эту восторженность, хотя сама, невидимому, и не чувствовала вполне того, чем так ловко побеждала и ум и волю молодой энтузиастки.

Вот что, между прочим, отвечала ей Екатерина на письмо, при котором были присланы Дашковой эти стихи, которые мы привели выше: «Какие стихи! какая проза! И это в семнадцать лет! Я вас прошу, скажу более — я вас умоляю не пренебрегать таким редким дарованием. Я могу показаться судьей не вполне беспристрастным, потому что в этом случае я сама стала предметом очаровательного произведения, благодаря вашему обо мне чересчур лестному мнению. Может быть вы меня обвините в тщеславии, но позвольте мне сказать, что я не знаю, читала ли я когда-нибудь такое превосходное, поэтическое четверостишие. Оно для меня не менее дорого и как доказательство вашей дружбы, потому что мой ум и сердце вполне преданы вам. Я только прошу вас продолжать любить меня и верить, что моя к вам горячая дружба никогда не будет слабее вашей. Я заранее с наслаждением думаю о том дне будущей недели, который вы обещались мне посвятить, и надеюсь кроме того, что это удовольствие будет повторяться еще чаще, когда дни будут короче. Посылаю вам книгу, о которой я говорила: займитесь побольше ею. Скажите князю, что я отвечаю на его любезный поклон, который я получила от него, когда он проходил под моим окном. Расположение, которое вы мне оба выказываете, право, трогает (меня) мое сердце; а вы, которая так хорошо знаете его способность чувствовать, можете понять, сколько оно вам благодарно.»

Екатерина не даром писала ей таким образом: она не могла не предвидеть, что ей нужны будут люди, может быть скоро, как они нужны были ей и во всякую данную минуту. Стих Дашковой, ставивший великую княгиню идеалом человеческого совершенства, мог легко облетать не только Петербург, но и всю Россию, увеличивая популярность Екатерины

насчет популярности её супруга. Кроме того, и личным своим характером, своею пламенною и сильною натурою Дашкова могла пригодиться ей и в случае таких решений, где нужна чья-нибудь восторженная голова, где нужно, не задумываясь, пожертвовать жизнью, и этой жизнью жертвуют. Дашкова, едва вступила в придворную жизнь, как уже стала в ряды бойцов Екатерины: своей красотой и молодостью, своим редким в женщине политическим тактом она уже вербовала Екатерине новых союзников, и смелыми, даже дерзкими ответами великому князю она, как сама признавалась, приводила в ужас его приверженцев и льстецов, и роняла имя Петра Федоровича, возвышая имя его супруги. В Дашковой видели силу воли, которая хотя и могла исходить из юношеской экзальтации, но там, где все иногда зависит от пламенного слова, сказанного в роковой момент, чтобы наэкзальтировать массу, ободрить нерешительных — там экзальтация хорошенькой женщины становилась сильнее целого корпуса гренадеров. Оттого вся гвардия, все товарищи её мужа как будто инстинктивно ставили ее в голове немого заговора, который и созрел в мысли каждого в пользу другой женщины, долженствовавшей возвеличить Россию, а не привязать ее к колеснице прусского короля, к которой всеми силами старался привязать ее наследник престола, выдавая даже государственные тайны своему идолу, прусскому королю, в то время, когда Россия воевала с Пруссией, как он впоследствии и признался секретарю государственного совета, Волкову, говори: «Помнишь, как ты мне сообщал приказания совета, посылаемый войскам, действовавшим против пруссаков, а я о них тотчас же предупреждал его величество короля.»

Понятно, что Екатерина должна была дорожить такой союзницей, как Дашкова.

К концу 1761 года здоровье императрицы Елизаветы не могло не возбуждать тревожных опасений. На престоле виделся уже Петр III, а нелюбимая им супруга скорее всего должна была рассчитывать на монастырь вместо трона, тем более, что великий князь выражал желание развестись с нею и жениться на сестре Дашковой, Елизавете Романовне Воронцовой.

Надо было действовать.

Когда, в половине декабря, доктора решили, что императрице остается жить всего несколько дней, и Дашкова узнала об этом, она, не смотря на то, что сама была больна, 20 декабря в полночь явилась к Екатерине, которая, вместе с другими членами царской фамилии, жила тогда в деревянном дворце на Мойке. Шаг был рискованный, потому что за поступками Екатерины Алексеевны следили, и потому необходимо было, чтоб это ночное посещение осталось для всех тайной. Дашкова подъехала к заднему крыльцу флигеля, занимаемого Екатериной, и, несмотря на все предосторожности, могла быть узнана, особенно когда ходы с этой половины флигеля ей были неизвестны; но, к счастью, ей попалась навстречу самая верная горничная великой княгини, Катерина Ивановна, которая тотчас же и поспешила провести ночную гостью в покои великой княгини. Последняя тоже была больна и лежала в постели. Ей доложили о Дашковой.

— О, ради Бога! введите ее поскорее ко мне, если уж она в самом деле здесь, - воскликнула она в тревоге, зная, что и Дашкова больна.

Дашкова явилась.

— Дорогая моя княгиня, -- сказала ей Екатерина, - прежде чем вы сообщите мне причину вашего необыкновенно позднего посещения, согрейтесь: право, вы ужасно мало заботитесь о

вашем здоровье, которое так дорого для вашего мужа и для меня.

Она тут же уложила Дашкову к себе в постель и окутала ей ноги одеялом.

Дашкова передала Екатерине все, что знала об ожидании скорой кончины императрицы и о том, какими роковыми последствиями угрожает ей вступление на престол Петра III. Екатерина конечно сама знала об этом и приняла меры, о которых Дашкова не знала; но Дашкова настаивала на необходимости действовать теперь же и употребить ее как орудие, потому что она готова жертвовать своею жизнью для своего высочайшего друга.

Екатерина плакала, прижимала к сердцу руку Дашковой, благодарила ее и говорила, что у неё нет плана, что она отдает себя на волю божью.

Может быть, определенного плана у Екатерины действительно еще не было; но что уже было что-то задумано ею вместе с Орловым, это мы увидим впоследствии.

— В таком случае - говорила Дашкова - надо действовать вашим друзьям: я чувствую в себе достаточно силы, чтоб воодушевить их всех; а сама я готова на всякую жертву.

Она говорила искренно, — и действительно, это была искра, которая могла зажечь мину: офицеры были на её стороне и готовы были идти за этой экзальтированной девятнадцатилетней головкой.

— Ради Бога, княгини, не подвергайте себя опасности, чтоб отворотить зло, которого в сущности нет средств отворотить, - говорила Екатерина: - если я буду причиной вашего несчастья, я вечно буду страдать за вас.

— Во всяком случае я не сделаю ни одного шагу, который бы мог повредить вам, - возражала Дашкова: - если встре-

тится опасность, пусть я одна буду жертвой. Если б слепая преданность вашим интересам привела меня на плаху, вы все-таки остались бы в безопасности.

Через пять дней императрица Елизавета Петровна скончалась. На престоле был Петр III. Екатерина и её друзья оставались в тени; но дело, задуманное ею вместе с Григорием Орловым и Дашковой зрело ни для кого невидимо.

В полгода кружок друзей Екатерины окончательно сплотился до того, что уже можно было решиться на государственный переворот: кружок этот составляли — Григорий Орлов, Дашкова, другие Орловы, Пассек и Бредихин, друзья мужа Дашковой, Рославлевы и Ласунский, гетман Разумовский, — все это влиятельные личности в преображенском и измайловском полках, а потом Никита Иванович Панин.

Наступил канун переворота.

27-го июня (1762 года) Дашкова сидела у себя дома вместе с Паниным. Вдруг является Григорий Орлов, весь взволнованный.

— Пассек арестован, - сказал он.

Известие это не могло не поразить: арестование Пассека, происшедшее вследствие того, что солдаты, посвященные в заговор, своим нетерпением видеть скорее на престоле Екатерину выдали роковую тайну, равнялось обнаружений заговора. Это значило, что оборвался волосок, на котором висел страшный топор.

— Развязка близка, - сказала Дашкова, - медлить нельзя: сейчас же узнайте, за что арестован Пассек — за нарушение ли военной дисциплины, или как государственный преступник? Если наши опасения справедливы, тотчас же дайте нам знать об этом со всеми подробностями.

Дашкова, накинув на плечи большой мужской плащ и надев шляпу, бросилась к Рославлевым, чтоб уведомить их о случившемся. Она шла пешком.

На дороге, как она сама рассказывает, ей повстречался красивый всадник, который мчался куда-то во весь опор. Дашкова, никогда не видевшая младших братьев Григория Орлова, догадалась, что это кто-либо из них. Она окликнула. Это был Алексей Орлов, который скакал от брата объявить Дашковой, что Пассек арестован как государственный преступник, что к дверям его комнаты приставлены четыре часовых и по два у каждого окна.

— Мой брат - прибавил он - поехал передать эту новость Панину, а я сейчас объявил ее Рославлевым.

Тут же на улице, где было безопаснее совещаться о тайном деле, чем дома, где могла подслушать прислуга, они условились, как им действовать. Дашкова поручила Орлову известить о происшествии всех своих сообщников — офицеров измайловского полка, чтоб они с своими солдатами готовились к принятию императрицы.

— А вы - заключила она - или кто-нибудь из ваших офицеров с быстротою молнии неситесь в Петергоф (где в то время находилась Екатерина) и просите от моего имени императрицу немедленно сесть в приготовленную для неё карету (карету еще накануне Дашкова велела приготовить через жену камердинера Екатерины, Шкуруину) и позволить везти себя в Петербург, в измайловский полк, который ждет с нетерпением минуты, когда может провозгласить ее государыней и внести в столицу. Скажите ей, что её приезд так необходима что я даже не хотела написать записки, чтоб не замедлить его несколькими даже минутами, и только на улице словесно просила

вас скакать в Петергоф и ускорить её приезд. Может быть, я сама отправлюсь к ней навстречу.

Эта предусмотрительная молодая заговорщица заказала портному для себя мужское платье, но только к вечеру этого дня, и потому теперь не могла ехать навстречу Екатерине.

Воротившись домой, она, чтоб избежать всяких подозрений, снова легла в постель; но не прошло и часу, как явился младший Орлов, Владимир.

Он приехал спросить, не слишком ли рано беспокоить государыню? Не следует ли отложить её приезд в Петербург?

Эта затяжка в таком роковом деле поразила Дашкову. Она резко отозвалась о такой непростительной ошибке Орловых.

— Вы уже потеряли самое драгоценное время, - - говорила она с досадой: - - а что касается до того, что императрица испугается, так, по моему, лучше в обмороке привезти ее в Петербург, чем подвергнуть опасности провести всю жизнь в монастыре или с нами вместе разделить эшафот.

Тогда Алексей Орлов поскакал в Петергоф. Уже в два часа ночи он разбудил Екатерину словами: «Пассек арестован!»

Дав императрице наскоро одеться, Орлов посадил ее в приготовленную, по распоряжению Дашковой, карету, сам сел на козлы вместо кучера и погнал лошадей во всю мочь. На полпути к Петербургу лошади упали, не выдержав страшной гонки. Тогда Екатерина пересела в попавшуюся им навстречу крестьянскую телегу, и Орлов снова погнал в столицу. К счастью, Григорий Орлов спешил к ним навстречу с каретой.

В семь часов утра 26 июня 1762 года Екатерину подвели к казармам измайловского полка.

Императрицу встретила небольшая кучка солдата. Это ее смутило. Но едва она показалась, как ударили тревогу, и весь полк

вышел приветствовать новую государыню. К Измайловскому полку присоединились и другие. Из домов высыпал народ, и с криками «ура» Екатерина въехала в столицу.

Эта неожиданная весть быстро разнеслась по Петербургу. Когда Екатерина только проезжала по улицам города, приближаясь к казанскому собору, народ уже встречал ее на улицах и приветствовал в ней свою императрицу.

В соборе встретил ее новгородский архиепископ Сеченов, благословил государыню и отслужил молебен.

Дашкова в это время была дома. Она провела ужасную ночь: торжество её державного друга, неудача, арест, эшафот— все это пережила она в страшную ночь накануне памятного ей на всю жизнь Петрова дни.

Но теперь и она знала, что та, у которой под одеялом она отогревалась еще так недавно, уговаривая ее позаботиться о троне, в это утро села на трон.

Дашкова поспешила во дворец. Его окружали войска и народ. Только пушка могла пробить эти живые стены; но юная заговорщица, а теперь — друг новой императрицы, легко прошла сквозь эти живые стены: подданные ее друга узнали ее, взяли на руки и с шумными приветствиями пронесли над своими головами прямо к подъезду. В этом триумфальном шествии по головам народа и войск Дашкова ничего не помнила: платье её изорвали, волосы растрепались.

Увидев друг друга, императрица и Дашкова бросились одна другой в объятия.

— Слава Богу! слава Богу! - больше ничего не могли выговорить взволнованные женщины.

Дашкова, заметив, что на императрице нет еще голубой андреевской ленты, которая составляет необходимую принадлеж-

ность царствующей особы в России, снимает с государыни екатерининскую ленту, и по её приказанию кладет себе в карман, а с Панина снимает андреевскую и надевает на императрицу.

В тот же день Екатерина приказала войскам, под её личным предводительством, идти к Петергофу. Дашкову она тоже пригласила следовать с собою.

Дашкова поспешила домой, чтоб надеть на себя мундир преображенского полка, который она взяла у офицера Пушкина, и в то время ей пришло на мысль, что император, еще не свергнутый с престола, может явиться в Петербург, никем не защищенный, и тогда роли могли вновь перемениться.

Пораженная этою мыслью, она вновь явилась во дворец. Императрица в это время совещалась с сенаторами; зала совета была охраняема двумя офицерами; но когда проходила Дашкова, они приняли ее за молодого, неизвестного офицера, невидимому торопившегося по важному делу к государыне, и свободно пропустили ее. Дашкова подошла прямо к Екатерине и на ухо шепнула ей о своих опасениях. Тогда государыня тотчас же приказала секретарю совета, Теплову, изготовить указ об охране вьездов в столицу.

Сенаторы невидимому не узнали в молоденьком офицере княгини Дашковой. Екатерина сама потом представила им этого юного офицера, переконфуженного своим внезапным появлением в залу совета, и сенаторы, вставъ с своих мест, поклонились этой энергической женщине, явившейся перед ними в такое время и в таком необычайном для женщины виде.

К вечеру Екатерина выступила из Петербурга с войском. Она ехала на красивом сером коне, в мундире преображенского полка. Рядом с ней ехала Дашкова, тоже на коне

и в офицерском платье. За ними следовала блестящая свита— бывшие друзья Екатерины и Дашковой. Шествие заключалось войском, которое следовало за своею государынею в числе около пятнадцати тысяч.

Это было необыкновенное шествие. Две молоденькие женщины шли во главе поиска, чтобы отнять последнюю тень власти у императора, для одной из них мужа, для другой — государя и крестного отца. Подобные примеры едва ли представит история всего остального человечества.

Ночь застала на походе это необычайное шествие. Нужно было остановиться ночевать, и для этого избрана была известная деревня, Красный Кабачок, где для молодой императрицы и отвели ночлег в харчевне. Екатерина и Дашкова остались в одной комнатке, где была узкая и грязная кровать, на которой и должна была спать русская императрица. Дашкова распорядилась разостлать на эту невзрачную царскую постель шинель полковника Керра и легла рядом с императрицей.

Но юная заговорщица, теперь приближенная особа новой императрицы, была настолько предусмотрительна, что, заметив у изголовья государыни какую-то дверь, ведущую в длинный коридор, тотчас же встала, осмотрела все и приставила ко входу в коридор часового.

Но молодым женщинам, не пришлось спать и в эту достопамятную ночь. Уснуть они не могли от волнения, и потому до утра занимались рассмотрением манифестов и указов, которые императрица уже заготовила для обнародования по империи.

На другой день войска с императрицей были уже в Петергофе, где и нашли акт отречения от престола императора Петра III, который просил только снабдить его табаком, бургунским вином и философскими сочинениями.

На другой день карета с опущенными шторами, с четырьмя рослыми гайдуками на подножках и конвоируемая отрядом Алексея Орлова, отвезла экс-императора в его любимую Ропшу. Через несколько же дней он скончался там, как сказано в манифесте, от «геморoidalных колик».

С восшествием на престол императрицы, друга Дашковой, историческая миссия этой последней, подобно миссии Анны д'Арк, казалась конченной.

С этой минуты пошли для Дашковой неудачи и огорчения. Императрица видимо охладела к ней с первого же момента царствования. Да оно и понятно: между дружбой двух женщин становилась высокая стена, отделявшая их одну от другой: этой стеной была корона, трон, скипетр, шапка и бармы Мономаха, императорская мантия, идея помазания. Двум женщинам нельзя уже было бросаться в объятия друг другу при всяком удобном случае, как они бросались до сих пор.

Екатерина II поняла это сразу. Дашкова по-видимому не поняла этого до самой своей смерти и скорбела о том, будто потеряла дружбу императрицы, будто бы последняя употребила ее как орудие для достижения своих целей и что сверженный император был прав, говоря Дашковой: «Дитя мое, не забывайте, что несравненно лучше иметь дело с честными и простыми людьми, как я и мои друзья, чем с великими умами, которые высосут сок из апельсина и бросят потом ненужную для них корку.»

Уж в Петергофе Дашкова поражена была неожиданностью. Она нашла Григория Орлова в покоях императрицы за распечатыванием пакетов с важнейшими государственными бумагами. Мало того, Ордов лежал на диване, потому что у него была контужена нога во время последних горячих скачек из Пе-

тергофа в Петербург и из Петербурга в Петергоф, и когда Дашкова с негодованием заметила ему, что он не имеет права распечатывать бумаг, которые подлежат личному усмотрению императрицы, Орлов хладнокровно отвечал, что его уполномочила на это сама государыня.

Тут только поняла наивная молодая женщина, что не она одна возвела на престол своего друга и что не она первая в сердце Екатерины.

Двадцать лет потом ни Орлов, ни Дашкова не говорили друг с другом.

В этот же день, в первый день восшествия на престол, Екатерина успела уже высказать свое неудовольствие Дашковой, как императрица подданной.

Дашкова, в простоте своей юношеской невинности, начала распоряжаться солдатами. Сначала, в Петергофе, когда она объяснялась с Григорием Орловым по поводу распечатывания им императорских пакетов, ей пришли доложить, что усталые солдаты забрались в царские погреба и без всякого разбора пьют и разливают дорогое венгерское вино, принимая его за мед, и офицеры ничего не могли сделать с разгулявшеюся толпою. Дашкова вышла к солдатам, объяснила им их неблагоприятный поступок, и солдаты, тотчас же вылив на землю нацеленное ими в шапки вино, отправились пить воду из ближайшего ручья. Дашкова отдала им все деньги, которые при ней были; вывернула даже карманы, чтоб показать, что у неё ничего больше не осталось, и обещала, по приходе в Петербург, позволить им пить вино в питейных домах на казенный счет, сколько будет душе угодно. Солдаты охотно повиновались юному начальнику.

Но потом, когда императрица с войском и свитой воротилась в Петербург и Дашкова поспешила домой, чтоб пови-

даться с своими, она в доме отца нашла целую сотню солдат и по часовому у каждой двери. Молодая женщина разбранила за это начальника караула Каковинского, приказала увести половину солдат, и хотя говорила с офицерами по-французски, однако солдаты видели, что она делает выговор их начальнику, а равно и им самим.

Это ей не прошло даром.

Уезжая из дому во дворец, Дашкова захватила с собой екатерининскую ленту со звездой, снятую накануне с императрицы и оставленную в кармане платья, где ее и нашла горничная. Дашкова хотела возвратить эти знаки императрице.

Когда она входила в покои государыни, то уже нашла там Каковинского с Григорием Орловым. Каковинский, как поняла Дашкова, успел уже на нее пожаловаться.

Едва Дашкова увидела Екатерину, как последняя высказала ей неудовольствие за то, что она при солдатах сделала выговор офицеру, притом же на французском языке, и сама распорядилась отпустить часовых с их караулов.

— Несколько часов прошло с тех пор, как ваше величество заняли престол - отвечала огорченная Дашкова - и в это короткое время ваши солдаты выказали ко мне такое доверие, что какие бы вещи и на каком бы языке я ни говорила, они не могли оскорбиться.

При этом Дашкова подала императрице привезенную с собою екатерининскую ленту.

— Потише, - сказала императрица: - вы, конечно, сознаетесь, что не имели права отпустить солдат с их постов.

— Это так; но я не могла позволить Каковинскому, для исполнения собственной прихоти, оставлять ваше величество без, достаточного числа стражи, - защищалась Дашкова.

— Согласна, согласна, и довольна. Мое замечание относилось только к вашей опрометчивости. А это — за ваши заслуги.

И при этом Екатерина возложила на плечо Дашковой екатерининскую ленту. Молодая женщина, огорченная сделанным ей замечанием, не стала на колени для принятия награды, а гордо отвечала:

— Ваше величество, простите меня, если я вам скажу, что пришло время, когда истина должна быть изгнана из вашего присутствия. Позвольте мне признаться, что я не могу принять этот орден: если это только украшение, то оно не имеет цены в моих глазах; если это награда, то она ничтожна для тех, которых услуги никогда не были и никогда не будут продажными.

Екатерина нежно обняла своего бывшего друга, оставшегося все таким же наивным.

— Дружба имеет свои права - сказала императрица: - я хочу теперь воспользоваться приятной стороной этих прав.

Растроганная Дашкова бросилась целовать руку императрицы, которую, в своей невинности, все еще считала себе равной по правам дружбы.

Но на другой день ее ожидало новое разочарование.

В высочайших приказах, в числе прочих имен, Дашкова прочла и свое имя: ей пожаловали 24,000 рублей из кабинета императрицы.

Однако императрица продолжала быть с нею ласкова, заставляла ее с мужем переехать во дворец. Каждый вечер Екатерина приходила к ним, заставляла Дашкову играть на фортепиано, а сама с её мужем пела самые забавные дуэты, и притом государыня и Дашков сильно фальшивили, а императрица сверх того гримасничала и подражала кошкам. В это время, говорит биограф этих двух замечательных женщин,

в юной Екатерине трудно было еще узнать великую правительницу России: она была только забавной, бесцеремонной гостьей Дашковых; но, где нужно было, она и по отношению к Дашковой показывала себя вполне императрицей.

Дашкова была огорчена и во время коронации. Орловы отвели ей место не в свите императрицы, как кавалерственной даме, носившей екатерининскую ленту, а в самых задних рядах торжественного кортежа, как простой гвардейской полковнице. Но в тот же день она пожалована была статс-дамою.

В это же время, когда в Москве образовалась партия, которая просила императрицу вторично вступить в брак, надеясь, что она изберет в супруги Орлова, и когда вместе с некоторыми друзьями своими Дашкова выказывала негодование по поводу толков об этом, императрица, под влиянием Орлова, написала мужу Дашковой записку следующего содержания:

«Я искренно желаю, чтобы княгиня Дашкова, забывая свой долг, не заставила меня забыть её услуг. Напомните ей это, князь. Мне сообщили, что она позволяет себе в разговорах грозить мне.»

Дашкову хотели даже запутать в заговор Мировича, который составил план свергнуть с престола Екатерину и на её место посадить Иоанна Антоновича, сидевшего в крепости, в Шлиссельбурге.

Все это окончательно отдалило от императрицы Дашкову, и она стала уклоняться от двора; особенно же, когда, по смерти мужа, вся отдалась заботам о воспитании своих детей.

Так прошло более семи лет с того памятного дня, когда, стоя, в числе прочих, в голове государственного переворота, Дашкова позволила было себе думать, что в числе с прочими она останется и в голове управления государством.

Но Екатерина умела ставить людей на свои места, и ровно через двадцать лет после того, как сама заняла престол, она отвела около себя приличное место и для Дашковой, сделав ее президентом академии наук.

В конце 1769-го года Дашкова испросила себе у императрицы позволение отправиться на два года за границу для поправления здоровья детей.

— Чрезвычайно сожалею о причине, которая заставляет вас оставить Россию; впрочем, вы можете, как угодно располагать собою, - холодно сказала Екатерина, давая ей отпуск.

Дашкова выехала из России под именем госпожи Михалковой. Это она сделала для того, чтобы своим слишком громким в Европе, после переворота 27—28 июня 1762 года, именем, которое и без того было известно Европе как имя литературное, не привлекать к себе излишнего внимания иностранцев и тем оградить себя от беспокойства и расходов не по средствам.

Дашкову, с которою было двое детей, сопровождали госпожа Каменская, её племянница и Воронцов, один из близких родственников.

Несмотря на принятое ею скромное имя, ее везде узнавали. В Пруссии, великий немецкий король Фридрих II, настоял на том, чтоб она явилась ко двору, и она таким образом познакомилась с «старым Фрицем», первым творцом нынешней единой Германии.

В Германии разные коронованные особы оказывали большую любезность «русской женщине», госпоже Михалковой.

Познакомилась она и с госпожой Неккер, а в Париже подружилась с стариком Дидро, так что была с ним почти неразлучна в продолжение трех недель. Ежедневно она заез-

жала за стариком и увозила его к себе. Философ-энциклопедист для России не потерял еще тогда того великого обаяния, перед которым недавно преклонялась вся Европа.

В высшей степени интересно, как эти две замечательные личности прошлого века, «русская женщина» и философ-энциклопедист, решали по-своему великий крестьянский вопрос, разрешенный только через столетие после того, как Дидро и Дашкова привлекали его к философскому рассмотрению.

Но об этом после.

До какой степени старик-философ овладел умом русской женщины, можно судить по следующему рассказу самой Дашковой.

Раз вечером, когда у неё сидел Дидро, княгине докладывают, что приехали г-жа Неккер и г-жа Жофрен.

— Отказать, отказать! - быстро говорит Дидро человеку.

Дашкова крайне удивлена.

— Что вы делаете? - говорит она: - с г-жею Неккер я еще в Спа познакомилась, а г-жу Жофрен очень бы хотела видеть, потому что она находится в постоянной переписке с русскою императрицей.

— Да ведь вы же говорили, что пробудете в Париже не более двух, трех дней. Она может с вами видаться два или три раза и не будет в состоянии хорошо судить о вас. Нет, я не могу допустить, чтобы идолы мои подвергались осуждению. Поверьте мне, если бы вы еще месяц оставались в Париже, я сам первый познакомил бы вас с г-жею Жофрен, потому что она отличная женщина, но так как это, вместе с тем, один из парижских колоколов, то я решительно восстаю против того, чтоб позволить ей звонить про ваш характер, не познакомясь с ним совершенно.

В другой раз приехал историк Рюльер. Дашкова знала его еще в Петербурге, когда он состоял при французском посольстве.

Старик Дидро схватил Дашкову за руку, услышав имя Рюльера.

— Одну секунду, княгиня! - воскликнул он: - позвольте мне вас спросить: окончив ваше путешествие, вы захотите вернуться в Россию?

— Что за странный вопрос! Разве я имею право экспортировать моих детей?

— В таком случае, прикажите, пожалуйста, отказать Рюльеру, а я после объясню вам причину.

Рюльеру отказано. Тогда Дидро объяснил Дашковой, что, принимая Рюльера, она этим как бы выказывала одобрение его «Истории революции 1762 года», где бросается очень дурной свет на поступки Екатерины, которая поэтому, как объясняет Дидро, и старалась всеми мерами препятствовать распространению этого сочинения.

Дашковой оставалось только поблагодарить старика за эту находчивость и внимание.

Познакомилась она и со стариком Вольтером, который жил в это время в уединении, потому что был постоянно болен. Он принимал её в халате и в больших креслах, которые получили вместе с сидевшим в них стариком, историческое бессмертие, называясь и доселе в самых захолустьях России «вольтеровскими» креслами, т. е. глубокими, покойными, старческими.

За стариком ухаживала племянница его, г-жа Дени.

Вольтер был не по душе Дашковой, особенно своею приторною любезностью. Но когда эта великая развалина давала волю

своему великому уму, державшему в узде умы всего человечества в течение почти столетия, то Дашкова невольно подчинилась этой силе, тогда уже угасавшей.

«В первые дни нашего пребывания в Женеве - пишет она в своих записках - мы также познакомились с Губертом-«Птицеловом», — прозвище, которое ему доставила страсть к соколиной охоте. Это был человек с огромными достоинствами, обладавший множеством приятных талантов. Он был поэт, музыкант и живописец. Крайняя чувствительность и веселость были в нем соединены с прелестями превосходного воспитания. Вольтер его боялся, потому что Губерт очень хорошо знал все его особенности и умел изображать на полотне такие сцены, в которых знаменитый писатель встречал некоторые из своих слабостей. Они часто состязались в шахматы. Вольтер почти всегда проигрывал и никогда не пропускал случая дать волю своему неудовольствию. У Губерта была маленькая любимая собачка, которая часто забавляла знакомых хозяина. Он выучил ее делать гримасы, чрезвычайно похожие на те, которые делал Вольтер при проигрыше в шахматы.»

Заграницей Дашкова познакомилась и страстно привязалась к леди Гамильтон, дочери Рэйдера, архиепископа туамского, а равно сошлась и с леди Морган, дочерью Тиздала, обер-прокурора Ирландии. Она так дорожила дружбой Гамильтон, что случайно доставшийся ей от последней шарфик она хранила как святыню: шарфик этот вытеснил из её сердца тот исторический веер, который ей подарила Екатерина и который она желала положить с собою в гроб. Леди Гамильтон вытеснила из её сердца и самую императрицу.

В Европе Дашкова оставалась вполне патриоткой. Так в Данциге, в отеле «Россия», она нашла две картины, на ко-

торых изображены были битвы русских с пруссаками. Русские войска представлены были жалкими, разбитыми, а пруссаки — победителями. Дашкова, оскорбленная этим, поручила Волчкову и Штеллингу, состоявшим при прусском посольстве и сопровождавший её до Данцига, закупить кистей и красок — и в ночь картины были переделаны: русские мундиры, зеленые с красным, были переделаны в прусские, синие с белым, и русские оказались победителями.

В Ганновере Дашкова была в театре с Каменской. Герцог Эрнест мекленбургский ожидал её приезда и послал к ней в ложу своего адъютанта.

Раскланявшись с русскими и не обратив внимания на двух немок, сидевших в той же ложе и вежливо уступивших место впереди себя знатным русским дамам, так как в городе все догадывались, кто эти особы, — адъютант от имени его высочества спросил Дашкову: иностранки они, или нет?

Дашкова отвечала утвердительно.

— В таком случае - продолжал адъютант - его высочеству угодно знать, с кем я имею честь говорить?

— Милостивый государь, - отвечала княгиня: - - не думаю, чтоб в этом была какая-либо надобность его высочеству или вам. А мы, как женщины, можем, я думаю, хоть раз в жизни испросить себе позволение умолчать и, вследствие того, не отвечать на ваш вопрос.

Адъютант был совсем сконфужен, а немки крайне удивлены смелостью Дашковой. Тогда она захотела пошутить над ними.

— Хотя я и не желала сообщить своего имени адъютанту, однако не могу этого не сделать для вас, которые были так вежливы и любезны с нами. Я — театральная певица, а она

(Дашкова указала на Каменскую) — танцовщица. Мы теперь путешествуем с целью ангажироваться на какой-либо театр.

Немки были очень огорчены своею ошибкою, принявши Дашкову за важную особу — и повернулись к ней спиной.

Через два года Дашкова воротилась в Россию.

Екатерина видимо переменилась к ней. Она пожаловала ей 70,000 р. для покупки какой-либо собственности, и вообще была любезнее, чем до отъезда за границу. Дашкова объясняла эту перемену тем, что при особе императрицы Потемкин уже заменил Орлова, недруга Дашковой.

Но Дашковой уже не жилось в России: ее тянула Европа, да и воспитание детей заботило ее. Она вновь задумала поездку за границу, но уже лет на десять.

Екатерина вновь была не довольна этим предпочтением Европы перед Россией. Но мы полагаем, что Дашкова осталась бы в России, если б ей выпала на долю широкая государственная деятельность, к которой рвалась её честолюбивая душа.

Это действительно и случилось, когда Дашкова возвратилась в Россию из своего вторичного и продолжительного путешествия по Европе, где она знакомством со светилами всего мира высоко подняла свое, и без того уже громкое имя.

В ноябре 1782 года императрица, во время одного бала, разговаривая с придворными особами и иностранными послами, сказала Дашковой:

— Я имею сообщить вам, княгиня, нечто особенное.

Окончив разговор, императрица остановилась среди комнаты и, подозвав к себе Дашкову, объявила ей, что назначает её директором академии наук и художеств.

Пораженная словами государыни, Дашкова не знала что отвечать. Императрица в лестных выражениях повторила свою волю.

— Простите меня, ваше величество! - отвечала смущенная Дашкова: - но я не должна принимать на себя такую обязанность, которую не в состоянии исполнить.

Императрица доказывала противное.

— Назначьте меня директором над прачками вашего величества - говорила Дашкова - и вы увидите, с какую ревностью я буду вам служить. Я не посвящена в тайны этого ремесла; но упущения, которые могут произойти отсюда, ничего не значат в сравнении с теми вредными последствиями, которые повлечет за собою каждая ошибка, сделанная директором академии наук.

Императрица настаивает. Говорит, что другие директора были менее способны.

— Тем хуже! - возражала Дашкова: - они так мало уважали себя, что взялись за дело, которого не могли выполнить с честью.

— Хорошо! хорошо! - сказала императрица: - оставим теперь этот разговор. Впрочем, ваш отказ утвердил меня в той мысли, что лучшего выбора я не могла сделать.

Все взоры придворных обращены на разговаривающих. Лицо Дашковой изобличает её крайнее волнение. Враги её ждут, что гордую ученую постигает немилость, опала.

Воротившись с бала домой и не раздеваясь, Дашкова тотчас же пишет императрице свою благодарность и отказ, называет её «выбор неблагоразумным», говорит, что «сама природа сотворила женщин не директорами», что назначение её на такой пост — историческое событие, а как историческое — оно должно подлежать и суду истории, что за этот выбор ждет суд истории и императрицу, что частная жизнь коронованной особы еще может не появляться на страницах истории, но что этот шаг императрицы история осудит, что, наконец, чувствуя свою

неспособность для такого рода публичной деятельности, как управление академией, она не посмела бы даже сделаться членом какого-либо ученого общества, даже в Риме, где это звание можно приобрести за несколько дукатов, и т. д.

Написав письмо, Дашкова, несмотря на то, что было уже далеко за полночь, скачет к Потемкину и настаивает на том, чтоб он принял ее, если бы даже и лег уже спать.

Потемкин принял ее, хотя, действительно, и был уже в постели.

Дашкова объявляет ему о своем затруднительном положении.

— Я уже слышал об этом от её величества, - говорил Потемкин, - и знаю очень хорошо её намерение. Она решила непременно поставить академию наук под ваше руководство.

Дашкова стояла на своем.

— Принять на себя эту должность это значило бы с моей стороны поступить против совести - говорила она. - Вот письмо, которое я написала её величеству и которое заключает решительный отказ. Прочтите, князь, потом я хочу его запечатать и передать в ваши руки для того, чтобы завтра поутру вы вручили его императрице.

Потемкин пробежал письмо и разорвал его на клочки. Дашкова вспыхнула при одной мысли, как он смел разорвать письмо, адресованное императрице.

— Успокойтесь, княгиня, и выслушайте меня, - говорил Потемкин. - Никто не сомневается в вашей преданности её величеству. Почему же вы хотите огорчить ее и заставить отказаться от плана, которым она исключительно и с любовью занимается в последнее время? Если вы непременно хотите остаться при своем намерении, в таком случае вот перо, бумага и чернила; напишите еще раз ваше письмо. Но, поверьте мне, поступая про-

тив вашего желания, я однако действую как человек, который заботится о ваших интересах. Скажу более: её величество, предлагая вам эту должность, может быть имеет в виду удержать вас в Петербурге и доставить вам повод к более частым и непосредственным сношениям с нею.

Доводы Потемкина подействовали на самолюбивую женщину. Она скачет обратно домой и, не ложась, не снимая бального платья опять пишет государыне.

Около 7-ми часов письмо послано, и тотчас же получен ответ:

«Понедельник, 8 часов утра.

«Вы встаете ранее меня, прекрасная княгиня, и сегодня к завтраку прислали мне письмо. Отвечая вам, я приятнее обыкновенного начинаю свой день. Так как вы не отказываетесь безусловно на мое предложение, то я прощаю вам все, что вы разумеете под словом неспособность, и оставляю до удобного случая присоединить к тому мои собственные замечания. А то, что вам угодно называть моим правом, я заменяю более приличным именем: благодарность. Согласитесь однако, что для меня замечательная новость — победить такой твердый характер, как ваш. Будьте уверены, что во всяком случае, когда я могу быть вам полезна словом или делом, я всегда буду готова к тому с радостью.»

Вечером Дашкова получает письмо от графа Безбородко и копию с указа, отправленного в сенат, относительно нового директора академии. Указ уничтожал притом полномочие «комиссии профессоров, которая в последнее время, после беспорядков, допущенных в академии последним её директором Домашневым, управляла делами академии.

В письме графа Безбородко, между прочим, было добавлено: «Её величество поручили мне передать вам, что вы во всякое

время, когда вам угодно, утром или вечером, можете обращаться к ней по каждому делу, касающемуся вверенного вам учреждения, и что она всегда готова будет устранять все затруднения, которые могут вам препятствовать при исполнении ваших обязанностей».

Дашкова отправляет копию с указа в академию и просит, чтоб комиссия два дня оставалась при своих занятиях. Вместе с тем она просит прислать ей отчеты академии, устав, положение о правах и обязанностях директора, и пр.

На следующее утро она является во дворец уже с докладом, как должностное лицо, как министр. В толпе придворных к ней подходит Домашнев и предлагает ей свои услуги. В это время отворяется дверь и появляется императрица, но тотчас же снова затворяет дверь и приглашает Дашкову в кабинет.

— Очень рада вас видеть, княгиня; но скажите, пожалуйста, о чем мог говорить с вами этот негодный Домашнев?

Дашкова сказала. При этом не преминула сказать и фразу, до которых вообще была охотница: она объяснила государыне, что ей придется «руководить слепую».

Как бы то ни было, в первое же воскресенье приемная нового директора академии была полна академиков, профессоров, ученых.

Дашкова любезно приглашает их приходить к ней без всякой церемонии.

В понедельник — Дашкова в академии. Но предварительно она заезжает к знаменитому Эйлеру, в то время уже слепому старику. Оскорбленный Домашневым, он давно перестал посещать академию. Дашкова берет слепого старика в свою карету, сажает туда же его поводыря, Фуса, который был женат на дочери Эйлера, и молодого Эйлера.

В академии Дашкова говорит блестящую, но высокопарную речь.

Когда все академики заняли свои места, Дашкова села на председательское кресло. Рядом с ней сел профессор аллегии Штелин, определенный в академию еще императором Петром III. Дашковой не нравится это соседство, и она говорит обращаясь к слепому Эйлеру:

— Садитесь там, где вам угодно, и место, которое вы изберете, конечно будет первым между всеми.

Слова эти вызвали сочувствие всей академии.

После заседания, она отправляется в канцелярию, производить ревизию сумм, находит растраты, неоплаченные долги, предупреждает кассиров, что будет держаться строгой экономии. Академическую типографию она находит в жалком положении. Узнает, что записки академии не выходят потому, что для печатания их не достает шрифту.

Дашкова немедленно делает распоряжение о приобретении шрифтов, о приведении в порядок типографии, о продолжении издания ученых записок.

Между тем Дашкова еще не присягала. Генерал-прокурор сената, князь Вяземский, спрашивает императрицу, должен ли он привести к присяге нового директора-женщину, как это установлено законом для всякого поступающего на государственную службу.

— Без сомнения, - отвечает Екатерина: - я не тайком сделала княгиню Дашкову директором академии, и, хотя не нуждаюсь ни в каком ручательстве за её верную службу, тем не менее считаю эту форму необходимою, потому что она освящает мой выбор и придает ему торжественность.

Дашкова является в сенат, и снова говорит блестящую речь.

«Господа! - - обращается она к сенаторам: - - наверное вы столько же, сколько и я, удивляетесь моему появлению среди вас. Я пришла сюда произнести присягу в верности императрице, которой уже с давнего времени посвящаю каждое биение моего сердца, — и вот женщина является в стенах вашего святилища!»

От генерал-прокурора она просит все документы и сведения, относящиеся до академии, чтобы проверить обвинения, возводимые на это, столь упавшее после Ломоносова, высшее ученое учреждение.

На несколько лет Дашкова вся отдается делу академии, и доказывает личным опытом, что и в государственной деятельности женщина имеет право стоять на одной высоте с мужчиною.

Она увеличивает доходы академии, уплачивает её долги, увеличивает число учеников академических, открывает три новых курса — математический, геометрический и естественной истории. Чтение курсов она поручает русским профессорам и из закрытых классов превращает эти курсы в публичные. Она же первая является и посетительницею академических курсов.

Десять лет она ревностно исполняет свое дело, пока некоторые цензурные неудовольствия, по поводу пропуска академией трагедии Княжнина — «Вадим новгородский», вновь не вынуждают ее на время оставить Россию.

Как бы то ни было, но академическая деятельность княгини Дашковой — это самая светлая сторона её жизни.

Несмотря на то, что ей не мало было дела и с одною академиею, она, через год после принятия в свои руки этого учреждения, дала императрице инициативу к открытию еще так называемой «Российской Академии», что составляет ныне второе отделение императорской академии наук.

В цветистой речи, сказанной по этому поводу Дашковой перед лицом всего ученого академического синклита, женщина эта между прочим, выражалась, что «императрица, свидетельница толиких наших благ, дает ныне новое отличие покровительства и российскому слову, толь многих языков повелителю.»

Мы упомянули о цензурных неудовольствиях, испытанных Дашковой. На ней, как на президенте академии, лежали обязанности цензорского надзора над всем, что печатала академия. Вот почему Дашкова едва не впала в немилость за дозволение напечатать «Вадима новгородского», направление которого враги и завистники даровитой женщины старались представить императрице в ложном свете.

Как бы то ни было, при некоторых размолвках и временных охлаждениях, Екатерина до конца своей жизни была милостива к своему прежнему другу: трудно было забыть тот день, когда две молоденькие женщины-амазонки ехали из Петербурга в Петергоф добывать русский императорский трон.

Но вот императрица умирает.

Для Дашковой начинается опальное, тяжелое время.

Тотчас же по восшествии на престол императора Павла Петровича Дашкова отрешается от всех должностей.

Едва она успела поблагодарить императора «за освобождение от бремени, которое превышало её силы», и переехать в Москву, как является к ней московский главнокомандующий, Измайлов и объявляет ей приказ императора — «выехать из города и в деревне вспоминать о событиях 1762 года!»

Но едва она переехала в свое имение, село Троицкое, как от Измайлова пришло новое известие: император приказывает Дашковой, оставив Троицкое, ехать в одну из деревень её сына, в новгородскую губернию, и там ожидать дальнейших распоряжений.»

Дашкова с своими приближенными поселилась в указанном ей глухом захолустьи. Крестьянская изба заменила княжеские палаты и императорские дворцы. В заброшенной деревне, у этой деловой женщины, занявшей в истории место в числе первых, по времени, русских писательниц, не было даже достаточно бумаги, чтоб срисовывать скучные и неприглядные виды окрестностей.

Но однако нашелся один лист бумаги, на котором княгиня Дашкова и написала просительное письмо государю о смягчении если не её участи, то участи тех, которые добровольно последовали за нею в изгнание.

Государь, узнав, что письмо — от Дашковой, не хотел даже раскрыть его, а отправил немедленно курьера с приказанием — отобрать у княгини перья, бумагу, чернила.

Только когда, вслед за этим, в кабинет вошла императрица, держа на руках маленького великого князя, которому в ручейку всунула письмо Дашковой, государь, растроганный, принял письмо из рук сына и обнял малютку, сказав:

— О женщины! знают чем разжалобить.

И тотчас же, схватив перо, написал:

«Княгиня Екатерина Романовна, вы желаете переехать в свое калужское имение, — переезжайте. Доброжелательный вам Павел.»

С воцарением императора Александра Павловича Дашкова опять возвращена была ко двору, где она уж казалась и старушкою, и смешною в своих старомодных нарядах, с устаревшими манерами.

Она увидела, что время её отошло, и поспешила сама удалиться в свою деревню, где, при содействии мисс Мери Вильмот, двоюродной сестры своей любимицы, леди Гамильтон, и занялась составлением своих знаменитых мемуаров.

Княгиня Дашкова умерла 4 января 1810 года.

При всех недостатках, от которых не свободна была эта женщина, Дашкова тем не менее является одною из замечательных русских женщин как прошлого, так и нынешнего столетия.

Современники слишком не равнодушно относились к ней: одни превозносили ее до идеальной высоты, другие низводили в грязь.

Так один современный ей иностранец, бывший в России уже в восьмидесятых годах, рассказывает о ней, между прочим:

«Княгиня уже с давних пор сделалась несносна по своему дурному характеру и заслужила общую нелюбовь. Знаменитая героиня революции 1762 года хвалилась тем, что она подарила трон Екатерине, и в тоже время со всех знакомых офицеров и адъютантов собирала дань галунами или аксельбантами. Любимым её занятием было отделять от шелку золото или серебро, которое она потом продавала. Таким образом, кто хотел приобрести расположение княгини, должен был прежде всего отослать ей все свои старые тряпки с золотым и серебряным шитьем. Зимой она не приказывала топить залы академии, и однако требовала, чтобы члены аккуратно посещали заседания. Многие из них, впрочем, охотнее выслушивали её жесткие выговоры, чем соглашались сидеть в таком страшном холоде. Княгиня-президент каждый раз являлась на заседаниях закутанная в дорогую шубу. Очень оригинально было видеть эту женщину одну посреди бородатого духовенства и русских профессоров, которые сидели подле неё с выражением глубокого почтения на лице, хотя в то же время сильно дрожали от холода. Её обхождение с членами академии было чрезвычайно гордо и даже

грубо: с учеными она обращалась, по-видимому, как с солдатами и рабами.»

В другом месте этот же писатель говорит:

«Окончательно смешною сделал княгиню процесс с Александром Нарышкиным, который имел поместье по соседству с её землею. Однажды его свиньи поели капусту на полях Дашковой, и та велела перебить животных. Когда Нарышкин, после того, встретил княгиню при дворе, то громко сказал: «Посмотрите, как с неё течет кровь моих свиней!»

«Такова была эта знаменитая женщина, - заключает он, - которая в Голландии подралась с своей хозяйкой, а в Париже хотела застрелить бедного аббата Шапо (неодобрительно отзывавшегося о России в своем сочинении), которую Вольтер старался уверить в том, что он ей удивляется, а немецкие писатели выставили каким-то божественным гением, и которая кончила тем, что сделалась предметом насмешек для всей России.»

Хотя это едва ли правда, потому что Россия поступила бы дурно, если б только смеялась над такой женщиной, которых она все-таки много не может насчитать, однако и эти отзывы нельзя обходить молчанием, потому что они — отклики времени и левая сторона суда современников.

Не хорошо отзывался о ней и Державин, да он и редко о ком хорошо отзывался. Он приписывает ей, «склонность к велеречию и тщеславию», «хвастовство», своекорыстные расчеты, «без которых она ничего и ни для кого не делала.» Он говорит также, что Дашкова без всяких причин не любила и известного механика-самоучку Кулибина, и все это «по вспыльчивому её или лучше — сумасшедшему нраву».

Но все подобные отзывы, если в них есть и значительная доля правды, нимало не отнимают исторического значения у этой

женщины: это была все-таки крупная личность, и русские женщины всегда могут указать на нее как на одного из первых практических пионеров современного «женского вопроса», начавшегося теперь так, как ему давно следовало начаться, — с заработка собственного женского куска хлеба.